

Р.П. Шпакова

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ: В ОЖИДАНИИ ПРИЗНАНИЯ

В звездной когорте основоположников немецкой классической социологии самая блистательная фигура вплоть до конца 1930-х гг. — Вернер Зомбарт (1863 — 1941). Это был влиятельный и сильный публичный ученый — тип, хорошо известный советской науке. В фокусе внимания Зомбарта находился основной вопрос науки и социальной политики конца XIX — начала XX в., а именно современный западноевропейский капитализм. Зомбарт определял его как целостное, единичное культурно-историческое явление и изучал вместе с органически связанными с ним процессами. Акцент при этом он делал на специфику их проявления в Германии. Таковыми для него были социализм и социалистическое движение, динамика изменений в духовной сфере, в общественном настроении, в мотивации действий людей, сдвиги в социальной структуре.

Одно перечисление тем демонстрирует масштабы важнейших социальных процессов, выявляемых Зомбартом. Он это делает с точностью естествоиспытателя и образностью художника. Судьба традиционных в Германии социальных слоев и областей занятости, например, ремесленничества и ремесел, была для Зомбарта моделью глубинных социально-экономических изменений под влиянием внедрения капитализма. Этой динамике посвящена значительная часть грандиозного труда Зомбарта

Шпакова Римма Павловна — доктор философских наук, профессор факультета социологии С.-Петербургского госуниверситета.

Адрес: 196128, С.-Петербург, пл. Чернышевского, д. 9, кв. 53.

Тел.: (812) 296-73-22 (дом.), (812) 110-00-77 (раб.).

«Современный капитализм». Осмысление такого многогранного явления, как капитализм, в генезисе и тенденциях изменения позволило Зомбарту дать прогноз его эволюции. В главных характеристиках прогноз оправдался — вплоть до идеи о возникновении конкурентной глобальной мировой экономики. Для современной России, на огромной территории которой встретились средневековые и двадцать первый век, работы Вернера Зомбарта в высшей степени значимы.

Вернер Зомбарт родился в 1863 г. в лесистом Гарце, в городке Эрмслебен в семье, далекой от академических кругов. Образование он получил в Берлине и Риге, где изучал национал-экономия, философию и другие науки историко-гуманитарного цикла. С 1890 по 1906 г. Зомбарт — ординарный профессор национал-экономии в Бреслау. В 1904 г. вместе с Максом Вебером, Карлом Лампрехтом и Эрнстом Трельчем он посетил Соединенные Штаты Америки*. Тогда же в сотрудничестве с М. Вебером и Э. Яффе им был начат выпуск принципиально нового для Германии журнала «Архив социальной науки и социальной политики». С 1906 г. — работа в той же должности ординарного профессора в Высшей торговой школе Берлина и лишь с 1917 г., с большим опозданием из-за своих ранних симпатий к социал-демократии — профессор Берлинского университета. С 1931 г. — отход от преподавания, хотя он не оставил поприща активных выступлений и публикаций по вопросам науки и социальной политики, но уже вне университета.

В обращении к феномену современного западного капитализма в академической науке Германии Зомбарт был первым. Он был первым и лучшим в анализе марксизма, что отмечал даже Ф. Энгельс. Он был первым и в той области исследований, которая сегодня носит название «социология массовых движений». Уже выбор тематики стал выражением настоятельной потребности в обновлении всего исследовательского, предметного и методологического поля немецкого обществознания, его языка и стиля. Зомбарт остро чувствовал эту потребность. Все его научное творчество, энергичное, наступательное и провокативное, было попыткой, часто успешной, такого обновления. Вернер Зомбарт — бесспорное явление XX в., воплотившее все противоречия эпохи и особо — Германии. Вместе с тем его творчество — поздний продукт немецкой культуры в том смысле, что оно опоздало к ее расцвету, взлету на приливной волне общественного интереса к гуманизму и рациональной метафизике, к тому времени, которое называется «эпоха Гете». «Жить вместе с Гете — несбыточная мечта», с сожалением признавался Зомбарт. Но времена не выбирают.

Писал он легко и вызывающе элегантно, но не в ущерб добротной проработке многих деталей и точности изложения основных положений. Сознательно привлекая внимание к своим трудам уже выбором тем, Зомбарт удивляет тонкостью наблюдений, стилистическим изяществом, на-

*Каквспоминал в своих мемуарах Федор Степун, среди многочисленных западноевропейских гостей, которых с радушием принимала у себя Россия перед Первой мировой войной был и Вернер Зомбарт, прочитавший в Москве несколько научных докладов (Степун Ф.Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 164).

сущностью смыслов. Вместе с тем он писал сноровисто и хватко, так что его работы оставляют впечатление «хорошо сделанных». Таковы его фундаментальный труд «Современный капитализм» (как в двухтомном издании 1902 г., так и в обновленном трехтомном варианте 1918 – 1927 гг. с подзаголовком «Историко-систематическое изложение общеевропейской экономической жизни от ее начала до современности»), примыкающие к нему работы: «Евреи и хозяйственная жизнь» (1911), «Война и капитализм» (1913), «Любовь, роскошь и капитализм» (1913), «Буржуа» (1913), сочинения по истории социализма и социальных движений (например, «Социализм и социальное движение в XIX столетии», первое издание 1896 г., составленное из серии докладов). Его работы по истории немецкой экономики («Народное хозяйство Германии в XIX столетии» 1903 г., «Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма» 1927 г.), по проблемам социальной обусловленности экономической деятельности, по истории ремесел, по социологии прикладного искусства и художественного производства можно изучать как культурно-исторические документы и материалы по социологии культуры, а также как материалы по духовной истории вообще. Но прежде всего это исследования по истории форм жизни немецкого бюргерства, по истории немецкого духа. **Он был первым, кто дал систематическое изложение истории западной социологии [1].**

Как сторонник немецкого историзма и его школ, Зомбарт был автором серьезных трудов по методологическим проблемам историко-гуманитарного знания и теоретической социологии. Таковы его работы «Социология» (1923), «Три национал-экономики» (1930), «Национал-экономика и социология» (1930), «Социология: чем она является и чем должна быть» (1936). Часть его теоретических работ была позже собрана в книге «Носоциология» (1956).

Труды Зомбарта показывают, как уверенно он оперировал большими пространственными и временными объемами, огромными людскими массами. В его сочинениях, публичных лекциях, газетных статьях всегда есть соль, изящество остроты, неожиданным образом выявляющие скрытые аспекты и уровни проблем. Став предметом анализа, они часто дают результат, важный для понимания европейской культуры и капитализма в целом. Примером здесь служат работы Зомбарта «Экономика и мода: Вклад в теорию современного формирования потребностей» (1902), «Любовь, роскошь и капитализм». Ему, относившему себя к бюргерству, не чужда была и поза, сочетавшаяся с редким прагматизмом, вкус к буржуазному комфорту и респектабельности, что нашло отражение в его работах и стиле жизни. Вернер Зомбарт раньше других воплотил в себе образ современного ученого — не бескорыстного жреца «чистой науки», не гения, а жесткого профессионала. Его образ многогранен, противоречив и неисчерпаем. Сущность же профессионализма состоит в том, чтобы вовремя представить научный результат и вовремя его продать, сколь бы шокирующим он ни был. При этом автор сам должен делать все для того, чтобы результат — разумеется, высокого качества — стал объектом рекламы, то есть широко известен. Зомбарт так и поступал. Так, резонанс

«Современного капитализма» превратил его в хорошо продаваемый научный шлагер.

Вернер Зомбарт, этот немецкий ученый, талантливый и амбициозный, уже в самом начале своей деятельности поставил перед собой великую задачу — с учетом новых реалий начинающегося XX в. завершить Марксов анализ капитализма и «расколдовать Маркса». Именно он впервые ввел в академическую науку Германии марксизм, тем самым существенно ее обогатив. Зомбарт высоко ценил и разрабатывал концепцию отчуждения, но без атакующего, классово заостренного пафоса марксизма. Вместе с тем он увидел и показал принципиальные ошибки Маркса. Культура, по Зомбарту, составляет фундамент экономики, а не наоборот. Он настаивал на том, что глубинные социальные изменения в Западной Европе Нового времени объясняются не экономикой, не количественным ростом пролетариата, не механическим расширением сфер приложения физического труда и его усложнением, а духовно-психологическим и психическим состоянием общества, его общественным настроением и готовностью к таким изменениям, наличием лидирующих групп, выступающих как фермент, как бродильная субстанция. Рефреном многих его трудов звучат слова из «Современного капитализма»: «История происхождения капитализма есть история лиц». Ведь именно люди — та субстанция, которая по мысли Зомбарта, определяет направление социальной динамики. Экономика есть лишь функция переплетения сложнейших процессов, например, религиозных и этнических.

Эту мысль Зомбарт неустанно и настоятельно проводил в лекциях по национал-экономии в провинциальном Бреслау в начале своей научной карьеры, когда он вел первые в университетах Германии семинары по марксизму, не убоившись еще бывшего тогда в силе бисмарковского «закона о социалистах». Аналогичные семинары он вел и позже, в Высшей торговой школе и университете Берлина. Эта же мысль очевидна и в бесчисленных лекциях и докладах, с которыми он выступал в Германии и за рубежом, например в Швейцарии.

Но и как экономист Зомбарт не принимал многого из ключевых положений Маркса. Так, если Маркс, анализируя становление современного общества, намеренно «свел к нулю» (Маркс) земельную ренту, то Зомбарт именно ей отвел в этом процессе решающую роль, особенно в первом издании «Современного капитализма». Он не принимал марксистскую концепцию первоначального накопления, данную в «Капитале», ставя на ее место идею аккумуляции городской земельной ренты. Зомбарт скептически рассматривал значение «краеугольного камня» (Ленин) марксистской экономической теории — прибавочной стоимости. Он не принимал, далее, марксову трактовку капиталистического развития как постоянного линейного роста объема производства, его технической эффективности в направлении от простого товарного производства до социалистической плановой экономики. «Вопреки предсказаниям Карла Маркса, в условиях господства капитализма нет одной единственной формы крупного капиталистического предпринимательства. Напротив, все страны обнаруживают в большей или меньшей степени пестрый букет

разнообразных экономических систем и форм» [2, S. 26–27]. И потому, показывает Зомбарт, единого для всех стран решения вопроса о характере собственности быть не может.

Зомбарт выступил в период расцвета движения европейских интеллектуалов «Назад, к Канту». Это был период кризиса позитивизма и прогрессистских социально-политических теорий, к которым относился и марксизм. Для Германии это был кризис и так называемых исторических школ в национал-экономии. Место законов, управляющих действиями людей, в немецкой социальной науке все больше занимает идея «исторических констелляций», которую энергично поддерживал и Зомбарт. Он видел свою задачу в разработке «исторической социальной теории», которая бы стала объединяющей платформой для противостоящих в жестокое так называемое «методологическое споре», начатом еще в 1883 г., двух установок в школах национал-экономии — исторической и теоретической. Каждая историческая эпоха, каждый историко-экономический период, по мысли Зомбарта, подчиняется определенным закономерностям, действие которых ограничено рамками только этого периода. Ведущим понятием для понимания специфики каждого из периодов является «превалирующий мотив». Для периода, именуемого «современный западноевропейский капитализм», то есть для современного общества, таким мотивом является «капиталистический дух», которому Зомбарт противопоставляет «традиционный дух» докапиталистических эпох. В отличие от марксизма Зомбарт не разделяет идей о преходящем характере капитализма, который неизбежно будет преодолен социализмом. Он считает, что методология марксизма, идущая в русле гегелевской диалектики, неприемлема. «Не выдерживающая критики мистика» — так называл диалектику Зомбарт. Будущее капитализма не подчиняется детерминации марксизма, оно открыто. Настоятельное заверение Маркса о наступлении коммунизма и экономике как естественном процессе в устах Зомбарта становится уверенным отрицанием: «Для "прыжка из царства необходимости в царство свободы" нам не надо ждать коммунизма. Это означает: экономика не является естественным процессом» [2; 3]. Изначально она была и будет всегда явлением культуры, формируемым свободной волей людей и по их усмотрению, но и с учетом ими объективных обстоятельств. В соревновании машин побеждают люди.

Иллюстрацией служит работа Зомбарта «Евреи и хозяйственная жизнь». В ней показана зависимость экономики от поведения определенной социально-этнической группы, а именно евреев. Мотивация их поведения имеет религиозный фундамент. Этика и весь образ жизни евреев влияет на экономику, конкретнее, на становление современного западноевропейского капитализма. Зомбарт показывает и другие каналы воздействия на его становление. Так, в работе «Буржуа» он рассматривает «католицизм как один из источников капитализма» и подчеркивает, что «воззрения схоластов существенно способствовали укреплению и поощрению капиталистического духа» [3, S. 189—194]. Вместе с тем он отрицает роль протестантизма, отмеченную Максом Вебером, видя в нем «серьезную опасность во всех отношениях для капитализма и в особен-

ности для капиталистического хозяйственного образа мнений». Но, вступая в противоречие с самим собой, он здесь же признает, что «пуританизм не принес с собой уничтожения всякого капиталистического духа... Другими своими проявлениями он оказал — хотя и невольно — благоприятное для капиталистического духа воздействие» [3, S. 196]. Сам Зомбарт обстоятельно изучал антропологический аспект деятельности людей. Он намеревался даже написать трехтомное исследование по социальной антропологии, но не успел. Специальной работой по социальной антропологии можно считать лишь его сочинение «О человеке» (1938).

Меткие, а часто и спорные, наблюдения антропологической природы разбросаны по многим трудам Зомбарта. Вызывает сомнение, например, его рассуждение о евреях как «людях пустыни», их «пустынной природе» — такие сюжеты отсутствуют даже в Библии. Тем более они не соответствуют жизни многих поколений евреев в Европе Нового времени. Требуется прояснения и вопрос о подлинном влиянии евреев на экономику европейских стран в эпоху раннего капитализма. Уместно напомнить, что во многих странах действовал запрет для них участвовать в организации промышленных предприятий и управлении ими. Ростовщичество, что для них не запрещалось, имело ограниченное значение. Кроме того, в этих странах и особо в Германии евреи были «нежелательным меньшинством» [4; 5].

По сути, в книге «Евреи и хозяйственная жизнь» Зомбарт дает матрицу, модель, ориентируясь на которую можно строить однотипные конструкции. Ее применение, особенно сегодня, вполне корректно и практически плодотворно. С учетом новейших социальных процессов можно внести в нее уточнения, в частности, указанием на конкретное место. Например, «Немцы (англичане, алжирцы и т.д.) и хозяйственная жизнь Франции», «Китайцы (поляки, грузины и т.д.) и хозяйственная жизнь России», «Турки (вьетнамцы, русские и т.д.) в современной Германии» и т.п. Исследователи разных стран едины в том, что работа Зомбарта о евреях носит чисто научный характер и не содержит антисемитизма. Даже Гитлер, как показывают имеющиеся свидетельства, читал ее, но не смог воспользоваться ею для обоснования своей антисемитской политики. Интерес Зомбарта в годы написания книги «Евреи и хозяйственная жизнь» был сосредоточен на научной проблеме генезиса капитализма.

Капитализм, по Зомбарту, — особое явление, единичная замкнутая «историческая констелляция», а не просто переходный этап, не ступень на пути к неотвратимому социализму и не безликая экономическая структура. Поэтому его анализ требует от социальной науки разработки новых категориальных построений. Отталкиваясь от марксизма, заимствуя ряд его положения и в борьбе с ним в свете новых политико-экономических реалий Зомбарт развивал свою теоретико-методологическую трактовку социального бытия и познания. Гносеологически эта трактовка опиралась на неокантианство. Кризис европейского либерализма существенно повлиял на ее формирование, как и Первая мировая война, революционные события в России (октябрь 1917 г.) и Германии (ноябрь 1918 г.).

Именно под их влиянием Зомбарт резко отмежевался от своей ранней идеи единения капитализма и социализма и, соответственно, от идей социального реформизма и катедер-социализма, от своих прежних симпатий к социал-демократии и марксизму. Его ранняя работа «Социализм и социальное движение» (1896) в 1924 г. вышла под названием «Пролетарский социализм». Смена названия означала не только смену акцентов, но и разрыв с социализмом, который здесь уже рассматривался как вульгарное побочное следствие капитализма и его идеологии. Однако Зомбарт навсегда сохранил заметный еще в ранних работах, даже в первом издании «Современного капитализма» (1902), культурно-философский романтизм немецкого толка, который всегда носил черты технофобии и пиетета перед традиционными немецкими устоями и который всегда был обращен в прошлое.

Это подтверждается и отсутствием у Зомбарта политики как самостоятельной темы. Причина коренится, с одной стороны, в особенностях истории Германии, которая не пережила ни одной удавшейся буржуазной революции, в отличие от Англии, Франции, Нидерландов, а с другой стороны — в особенностях немецкого обществоведения. Политика в интеллектуальных кругах страны не стала частью национальной культуры, а та социальная группа, которая могла бы ею заниматься, заняла позицию подчинения и сервилитета, ограничиваясь лишь деятельностью в области духа. Об этом писал академик В.Ф. Асмус: «На место непосредственных стремлений буржуазной мысли, направленных на непосредственный объект экономической деятельности, здесь (в Германии. — *Р.Ш.*) должны были стать стремления, ограниченные лишь производной сферой идеологической деятельности. Так сложилось специфически немецкое абстрактно-идеологическое понимание продуктивности, наложившее характерную печать на все теоретическое развитие Германии» [6, с. 105].

Научную деятельность Зомбарта нельзя понять вне связи с идеями его единомышленника и оппонента Макса Вебера. Они, выходцы из мощных консервативных школ национал-экономики, во главе которых стояли маститые К. Книс, В. Рошер и Г. Шмоллер, стали самыми решительными протестантами в рядах приверженцев этих школ. Именно они, вырвавшись из недр национал-экономики и оставив ее далеко позади, разрабатывают новую концепцию экономической науки, существенно усилив в ней теоретическое ядро. И роль Зомбарта здесь особенно велика. Зомбарт и Вебер создают (вместе с другими, прежде всего с Ф. Теннисом) новое научное направление в немецком обществоведении — социологию. Они же нашли ее новое организационное оформление, создав и возглавив Немецкое социологическое общество (1909), а чуть раньше (1904) начав издание журнала «Архив социальной науки и социальной политики». Оба они, равно интеллектуально сильные, воспитанные в одной культуре, стали протагонистами новых идей, нового теоретико-методологического и гносеологического арсенала науки. Это был научный переворот. Его программу они изложили во вводной статье к первому номеру своего журнала [7, с. 19–24]. Ее реализация в целом им удалась, хотя каждый шел к цели своим путем.

Канонизация пары Зомбарт — Вебер в качестве коллективного героя науки не состоялась. Но дело не только в различии толкований ими основной темы — проблем генезиса и динамики капитализма. И даже не в том, что они едины в итоге, результате, в оценке капитализма и капиталистической рациональности, в значительной общности теоретико-методологических установок. О различиях и единстве их позиций, наверное, еще будет много сказано в мировой научной литературе. Есть еще один важный аспект.

Трудно представить Макса Вебера в роли, например, оратора, равно успешно (часто комплиментарно) выступающего перед рабочими и предпринимателями, чиновниками и студентами. Но все это без усилий делал Зомбарт. Зомбарту, публичному ученому, был присущ особый стиль, от которого был далек Вебер, — эстетизм. Специфика эстетизма Зомбарта состояла в том, что это был абстрактный эстетизм опоздавшего художника. Артистизм и фантазия со временем усиливались в его научном творчестве и публичной деятельности. Они заметны уже в его ранних историко-аналитических трудах. Так, например, в работе «Буржуа» Зомбарт особо отмечает «искоренение художественного чувства» в пуританизме и иудаизме, что к предмету рассмотрения — становлению капитализма — вообще не имеет отношения, а в «Современном капитализме» говорит о своем желании превратить научный труд в художественное произведение. А позже Зомбарт причислит и науку в целом к украшению, декору, «роскоши».

Уже философская лирика Ницше, «Закат Европы» Шпенглера давали возможные примеры и варианты слияния науки и художественного вымысла. Фантазийно-художественный элемент силен и в брошюре Зомбарта «Пролетариат» (1906). Здесь он рисовал рабочих в духе 23-й главы «Капитала», нимало не заботясь о правдоподобии картины. Работа начала Первой мировой войны «Торгаши и герои» (1915) не просто патриотична. Она педалирует идею защиты высоких немецких ценностей от напора западного рационализма, западной массовой культуры. Зомбарт противопоставляет Германию всему западному миру, воплощением которого ему представляется прежде всего Англия. Ее дух — утилитарное деячество. Дух Германии — это дух героев, он «аристократичен, идеалистичен, трансцендентален». И его надо сохранить, более того, оградить от мира, поставив прочную дамбу против проникновения в Германию западных идей, вульгарно-потребительских, низких, основанных на культуре расчета [8, S. 145]. Они уже господствуют в Америке. Общее впечатление от ее посещения Зомбарт выразил фразой: «Устрашение будущим».

По сути, Зомбарт противопоставлял традиционность и современность. Он выбирал традиционность как синоним антикапитализма. В его представлении Германия — это немецкая общность, фокус традиционности. Ее воплощают немецкие ремесленники и бауэрство. Позже, в сочинении «Германский социализм» (1934), в котором он понимал этот вариант социализма как характеристику именно немецкой общности, Зомбарт откровенно выскажет свои утопические идеалы: самоизоляция Германии, ее возврат назад, в эпоху Фридриха Великого. Художественно окрашен-

ный романтический пессимизм финала работы Зомбарта «Будущее капитализма» (1932) содержит его рекомендации на будущее. Их эффектная лексика с понятиями «автаркия», «реаграризация» [2, S. 41–44] и другими, заимствованными из древнегреческого и латыни, никак не соотносятся с контекстом всего предшествующего здесь четкого анализа современного капитализма и общей мировой экономики. Эти рекомендации вызвали широкий резонанс в немецком обществе и стали предметом обсуждения. Чуть позже Зомбарт повторит их и в ряде докладов, и в националистическом сочинении «Германский социализм» [9, S. 294]. Содержание рекомендаций обнаруживает не только стремление Зомбарта отыскать пути, чтобы затормозить движение Германии в общемировом потоке, но и выдает в нем слабость немца — европейского провинциала и консервативного романтика, его боязнь внешнего мира, инопонятие которого — современный западноевропейский капитализм. Это был эстетизм уходящей эпохи, к которой и принадлежал Зомбарт, хотя он успешно догонял новую и смог приспособиться к ней. Новую эпоху Зомбарт рассматривал сквозь призму старой, его эпохи. Отсюда даже стилизованное несовпадение его трудов по капитализму с требованиями новой эпохи к научной литературе.

Стиль исследователя или художника определяется спецификой его видения мира, общим восприятием действительности, а не только набором формальных приемов анализа. По способу постижения действительности философское мышление немецкого антипозитивизма (неокантианство, герменевтика, философия жизни, историческое познание, феноменология) всегда было близко к искусству. Пример — Фридрих Ницше, влияние которого на Зомбарта было велико. Связь научных абстракций и эстетизма стиля Зомбарта естественна и органична. Объяснить эту связь можно лишь с учетом характера немецкого романтизма, неокантианской и феноменологической философии, к адептам которых Зомбарт себя причислял. И если принять мысль Гуссерля, главы феноменологической школы, о том, что основа философского познания исчерпывается описанием «явлений» (в его трактовке понятия «явление») и «верой в предлагаемые обстоятельства», то именно такая вера позволяла Зомбарту всегда быть «над», держать дистанцию от подлинно насущных проблем бытия. Он выбирал стиль — эстетизм, а не проблемы, они были делом второстепенным. Их Зомбарт знал, но дистанция была всегда — он никогда в них не погружался, за исключением, пожалуй, его публичных выступлений в защиту силезских ткачей и ярких газетных статей о них. Но это было на раннем этапе карьеры, когда его причисляли к приверженцам социал-демократии, против чего он тогда и не возражал.

Эстетизм вкупе с действительным пониманием Зомбартом реальных жизненных проблем был гарантией успеха его выступлений, создавая иллюзию включенности в их разрешение. Так, равно триумфально он выступал перед рабочими-профсоюзными активистами и перед их хозяевами. Более того, эстетизм Зомбарта не только не ослаблял его неизменной востребованности в самых разных слоях немецкого общества, но и способствовал превращению его в «германского мандарина» — высоко-

поставленную фигуру германского истеблишмента. (Он имел даже титул тайного советника, чем гордился.) Эстетизм как характеристика стиля и политические воззрения Зомбарта повлияли в дальнейшем на оценку его идей и судьбу творческого наследия.

Воззрения Зомбарта были сформированы общим духовным климатом Германии. Отмеченное выше неприятие политики как самостоятельной области практической деятельности в среде немецких интеллектуалов, их разочарования вследствие неудавшихся попыток достичь политической свободы привели к поискам романтической цели, намеренно уклоняющейся от любой формы политической борьбы. В радикальном виде вся эта искаженная духовная проблематика вошла в идеологический багаж германских «почвенников», придавших ей крайне националистический, расистский характер.

Наивно считать, что долгое забвение не только научных трудов, но и имени Зомбарта связано с его симпатией к национал-социализму и фашистской идеологии. Но Зомбарт никогда не был национал-социалистом, хотя его «культурный пессимизм относился к тому кругу представлений, которые пробивали путь проклятой национал-социалистической идеологии», — пишет Ральф Дарендорф [10, S. 96]. Такой пессимизм в его время разделяли многие представители культуры.

Для сравнения уместно здесь напомнить послевоенную судьбу хотя бы только Мартина Хайдеггера и Эрнста Юнгера, куда как более откровенных приверженцев германского фашизма. Более того, в период фашистской диктатуры Зомбарт не был замечен в усердном следовании идеям режима и их пропаганде, как Юнгер. Он не принимал никакого административного поста от этого режима, как Хайдеггер. Однако доверенные труды Хайдеггера читаются во всем мире и сегодня наравне с послевоенными, а совсем недавно скончавшийся Эрнст Юнгер не только успешно издал еще при жизни свои очередные (правда, ставшие последними) биографо-публицистические заметки «Галлей дважды», но и удостоился чести в конце 1990-х гг. быть изображенным на немецкой почтовой марке. Да и труды ранее упомянутого Фридриха Ницше даже в отечественной литературе стали оцениваться с точки зрения их реального содержания, а не подменявших анализ политико-идеологических обвинений.

Стойкие убеждения в отечественной гуманитарной сфере в том, что научное исследование, слово, чтобы быть истинным, должно быть оплачено личной судьбой автора, примитивно прямо соответствовать его сугубо личной позиции, трудно поддаются пересмотру. Еще труднее их изжить. Но истина и в науке, и в искусстве проста: личные симпатии и творческий результат не связаны примитивно прямо. Они могут быть поставлены в принудительную связь лишь репрессивными режимами, показывает опыт не только далекой, но и совсем недавней истории, в том числе отечественной. Так, глубокая религиозность И.П. Павлова не помешала ему стать лауреатом Нобелевской премии в области науки, а расизм и антисемитизм Рихарда Вагнера не сказались на качестве его великих произведений. Даже Израиль, который сделал попытку замолчать

имя и сочинения этого композитора, недавно был вынужден отказаться от запрета их исполнения на своей территории.

Почему же надо обойтись иначе с Вернером Зомбартом? Из советской науки он был выкинут в начале 1930-х гг. решением специального собрания главных редакторов политико-экономических журналов на основании труда «Современный капитализм». Эти редакторы обсуждали только его. Но даже они были единодушны в признании, что это «грандиозный», «фундаментальный» труд. Как показывает стенограмма собрания, ни одного положения они не смогли опровергнуть. Их решение изгнать Зомбарта из советской науки опиралось на размытый аргумент «антимарксизм», действовавший, однако, без промаха. Это и есть иллюстрация к практике действий репрессивных режимов.

Едва ли можно считать ошибкой истории или ее иронией почти абсолютное забвение имени и трудов ученого Зомбарта или объяснять это забвение, без устали пеняя ему ссылкой на работу «Германский социализм», которая к науке никакого отношения не имеет. Это особенно удивительно на фоне неизменно высокого и острого интереса к трудам Макса Вебера, поспешной адаптации его плохо понятых суждений, тем более что последний многими проблемами и идеями был обязан именно Зомбарту [11]. Но при этом никто не вспоминает, что Вебер в политической практике был образцом антидемократизма, а веберовский национализм и империализм вошли даже в немецкий политический фольклор.

Зомбарт совершил — пусть и не один — научный переворот в немецком обществоведении. Его усилиями, научными и организационными, создавалась немецкая социология, которая сегодня называется «немецкая классическая социология». Вместе с тем это современная социология. Он открыл для науки и сделал предметом ее многогранного междисциплинарного обсуждения огромный космос — современный западноевропейский капитализм. В принципиально новом аспекте (по сравнению, например, с теоретиками национал-экономики) он анализировал социальную обусловленность культурно-экономической деятельности людей. Название «экономическая социология» или «социология экономики» здесь явно недостаточны, узки. Зомбарт разрабатывал, далее, важнейшие теоретико-методологические проблемы наук гуманитарного цикла и создал труды, обогащающие экономико-политические науки, социологию и историю культуры. Влиятельные исследователи наших дней (Ю. Хабермас, В. Бюль, Г. Беккер, А. Эберляйн и др.) считают Вернера Зомбарта «основоположником понимающей социологии в ее классической форме» [12, S. 7, 29, 53, 62].

Уже эти обстоятельства, напрямую связанные с социологией, достаточны для возвращения идей Зомбарта и его имени из небытия. Ведь даже постановка проблемы есть научное достижение. Это как минимум делал Вернер Зомбарт. Более того, он решал проблемы.

Определение сферы исследований социологии, ее предмета и методологии было одной из таких проблем. Впервые строгое и развернутое обсуждение структуры социологии, ее соотношения с другими науками он дает во введении к антологии «Социология». О предмете современной

социологии и о возможных к нему подходах Зомбарт говорил в статье того же 1923 г. «Начала социологии». Ее первая публикация появилась в двухтомнике памяти Макса Вебера. Эта статья носит полемический характер. Острые критики Зомбарт направляет против расширительного понимания социологии, против ее конкретного исторического отсчета от Аристотеля, против концепции естественного права и натурализма, к которому он причислял и марксизм. Преимущество антологии «Социология» и в том, что она содержала четкую позицию и аргументацию самого Зомбарта относительно развития социологии в Европе и Германии. Кроме того, в ней были собраны фрагменты социологических трудов виднейших французских, английских, американских и немецких исследователей. Это были О. Конт, Г. Спенсер, Г. Тард, Л. Уорд, Ф. Теннис, Макс Вебер, О. Шпанн и др. Переведенная на русский язык в 1926 г., антология и сегодня представляет ценность уже выбором авторов, труды которых составляют классику науки, и качеством перевода, ясным и сохраняющим авторский стиль.

В вводной статье к антологии Зомбарт ставит вопросы, обсуждение которых давно уже началось в отечественной социологии и вяло продолжается, хотя без видимого успеха. Точно говоря, начало широкого профессионального обсуждения можно датировать маем 1968 г., когда в Московском университете прошла дискуссия о структуре марксистской социологии. Она показала существование множества проблем в самой социологии, сложность ее отношений с другими науками, поставила вопрос о месте специальных социологических теорий и т.п. Современный анализ концепции Зомбарта мог бы оживить еле теплящуюся в России полемику, потеснить неожиданно быстро установившуюся в отечественной науке монополию теоретико-методологических воззрений Макса Вебера.

Но Вебер разрабатывал их в связи с конкретными задачами своего времени, своей науки, и потому их безоговорочная ассимиляция сомнительна, тем более что результат этой ассимиляции на сегодня нулевой. Анализ воззрений Зомбарта мог бы стать конкретным поводом для предметного продолжения начатого обсуждения, сколь бы спорной и провокативной ни была его концепция. Уместно напомнить, что в немецкой социологии с 1920-х гг. вплоть до краха 1945 г. именно она была лидирующей.

Многие значимые сочинения Зомбарта по теоретико-методологическим вопросам и по сей день не введены в научный оборот. Это, например, уже упомянутая антология «Социология», доклад на конгрессе Церковно-социального Союза «Рационализирование в экономике» (1927), лекция в Кильском научном клубе мировой экономики «Национал-экономика и социология», доклад на заседании Прусской Академии наук «Социология: чем она является и чем должна быть», доклад на VI конгрессе Немецкого социологического общества «Понимание» (1928), опубликованная в «Архиве социальной науки и социальной политики» статья «Основные формы человеческого сосуществования» (1930). Первый и три последние материала представлены в книге «Нюо-социология».

Безусловным достоинством теоретико-методологических работ Зомбарта является их строгая академичность — обязательность каждой фразы, логическая целостность и доказательность, пусть даже для социолога наших дней не все выглядит убедительно, потому что они написаны в ином содержательном ключе, в иной тональности, если их сравнивать с современными теоретико-методологическими трудами. Вместе с тем многие теоретические положения Зомбарта едва ли станут поводом для возражений. Так, он пишет в работе «Социология»: «Под социологией в самом широком смысле слова понимается здесь всякого рода познание человеческого сосуществования, то есть человеческой культуры или истории человечества, поскольку эта история рассматривается с точки зрения социальности. То есть как события, составившиеся из поступков, определяемых чужим поведением или вытекающих из чужого поведения. Иначе говоря, установление того, что было, есть или будет, но без рассмотрения того, что должно быть, то есть без всякого рода политики» [7; 13]. Зомбарт предлагает здесь свой вариант решения и поныне трудного вопроса о соотношении социологии и социальной философии. Он выделяет уровни социологии, рассматривает их границы и возможности. Речь идет не только о поле исследований современной социологии, ее предмете, но и о ключевом методологическом принципе — объективности анализа, которую Зомбарт и Вебер в духе неокантианской философии обозначали как «свобода от ценностных суждений».

Зомбарт обстоятельно рассматривает специфику историко-культурного знания. К этому вопросу он обращается в разных работах. Так, в докладе о ноо-социологии «Социология: чем она является и чем должна быть» он особо подчеркивает, что современное «гражданское общество исторично, оно есть почва истории», а «его теория — социология — есть правомерная наследница философии истории» [13, S. 113]. В кильской лекции «Национал-экономика и социология», позже превращенной в книгу, Зомбарт ставит вопрос о соотношении истории и социологии. «История есть культурная реальность, человеческая деятельность в пространстве и во времени, человеческое сосуществование. То, что вся общественная реальность есть история, событие, не подлежит сомнению, ибо современности не существует» [14, S. 3]. Социология, в отличие от истории, нацелена на типическое, и потому она систематическая наука.

Надо признать, что здесь Зомбарт лишь повторил, заострив, уже давно существующую в немецком обществоведении постановку дискуссионного вопроса о соотношении истории и социологии. Но ему удалось поднять ряд проблем социологии и других теоретических дисциплин гуманитарного цикла. Их он называет «науками о мыслимом», отличительная особенность которых — абстракции возможности, необходимости и вероятности [Ibid., S. 6]. Их конкретное применение Зомбарт показал в работе «Будущее капитализма».

В духе своего времени Зомбарт разделяет социологию на философскую и научную, хотя четкой границы между ними нет. Под первой он понимает общую философско-историческую науку о принципах развития общества, а под второй — «систематическую эмпирическую науку о

человеческом сосуществовании» [13, S. 2]. Кстати, именно такое же деление преобладало в 20-е гг. в социологии Советской России. Его отстаивал, например, Н. Бухарин.

Научная социология, в свою очередь, делится Зомбартом на психологическую и ноологическую. Эти два течения, по его мнению, остро конкурирующие друг с другом, заполняют все научное пространство, а их противостояние определяет общую расстановку сил в нем. Зомбарт корректно, без упрощений дает характеристику каждого из течений и ведущих методологических принципов. Психологическое течение базируется на науке о душе, то есть «стремится понять человеческую культуру как совокупность душевных процессов отдельных индивидов, находящихся между собой во взаимодействии, и пытается разложить этот комплекс душевных процессов на конечные, простейшие, основные факты душевной жизни... — чувства, инстинкты, склонности» [Ibid, S. 4]. Это течение рассматривает историю как естественный процесс, подчиняющийся в конечном счете тем же «законам», что и природа. Поэтому, рассуждает далее Зомбарт, резонно назвать его натуралистическим. Его метод — номология. Если принять логику приверженцев этого течения, то отсюда следует, что всякая закономерность имеет психологическую природу и основными законами социологии являются психологические законы.

Зомбарт имеет в виду позитивистскую социологию и выделяет ту ее черту, которая обычно скрыта от сторонников лобовых атак на позитивизм. Речь идет о психологизме. Зомбарт правомерно указывает на него и на те разрушительные для социологии следствия, которые несет с собой психологическое понимание социальных явлений. Позитивистская социология, по Зомбарту, — это западная, то есть английская, французская, итальянская и американская социология, хотя в Германии тоже есть ее приверженцы. Их он называет поименно. В целом же, делает вывод Зомбарт, «критическое отрицание западной социологии вполне правомерно» [Ibid., S. 3].

Ноологическая социология, напротив, — воплощение духа и разума, это немецкая социология. Именно она является подлинно научной социологией, социологией сообщества людей разума. «Разум, объединяющий людей», заключен в понятии «ноо». Оно восходит к античной (греческой) философии, а не к историческому материализму, как полагал Николаус Зомбарт, сын Вернера Зомбарта [15, S. VI]. Понятие «ноо» есть у В. Вернадского («ноо-сфера») и П. Тейяра де Шардена, но их работ Зомбарт не знал. Вместе с тем надо иметь в виду, что немецкая социология уже изначально, со времени своего возникновения, стояла в оппозиции к англо-французскому позитивизму, то есть тому ее направлению, которое Зомбарт называет западной социологией. Немецкая социология всегда выделяла специфически социальное в онтологии и методологии, делала акцент на духовно-культурном в мире бытия.

Подлинно немецкая социология, по Зомбарту, — это ноо-социология. Она не может начинаться с Л. фон Штайна или с Маркса, потому что они представили не социологию, а лишь хорошую социальную историю или плохую метафизику [Ibid., S. 114–115]. В лучшем случае это неполная,

частичная социология, ибо настоящая социология должна создавать категории исторического процесса, пригодные для разных исторических периодов и любых обществ современной эпохи.

Если в основе западной социологии лежит «душа», эмоционально-психическое начало, то фокус ноо-социологии — «обобществленный дух», проявляющийся в религии, государстве, экономике, праве и других частных сферах социального бытия. Ее метод — понимание, включающее иррациональные составляющие, задача — «исследовать внутренние закономерности смысла отдельных областей культуры или духа и доказать значение проявления духа в истории» [13, S. 8]. Мы понимаем осмысленное поведение, и лишь на этой основе возможна адекватная ориентация в культуре. Строго систематизированное изложение сути и значения категории «понимание» Зомбарт дал в одноименном докладе на VI Немецком социологическом конгрессе в сентябре 1928 г. [Ibid., S. 75–94]. Он настоятельно подчеркивает, что для него важна не просто сама категория, инпонятие которой — герменевтика, успешно адаптированная в сфере философии и искусства, но границы и возможности «понимания» именно в социологии. Такой обстоятельный, точный анализ был бы полезен и современной отечественной социологии, в которой пока преобладает расширительное и противоречивое толкование этой категории. Обращение к работе Зомбарта «Понимание» позволяет уяснить специфику немецкого гуманитарного знания и современного гуманитарного знания в целом. Автор развивает здесь свою концепцию «понимания» — одного из его фундаментальных понятий, и опирающейся на него понимающей социологии в ее истории и преемственности.

«Проект ноо-социологии как самостоятельной науки», данный Зомбартом в докладе «Социология: чем она является и чем должна быть», начинается с двух «истин», как он называет ее основные положения: 1) всякое общество есть дух, 2) всякий дух есть общество [Ibid., S. 116]. Отсюда он делает вывод, что все науки о духе являются науками об обществе. Таким образом, социология превращается в универсальную социальную науку. Чтобы избежать такой ловушки, Зомбарт ограничивает социологию только внешним проявлением духа. Оно возможно в межличностных и межгрупповых объединениях. Их содержание — дух, форма — союз.

Именно дух «связывает множество людей в духовные общности, которые мы поэтому будем называть союзами» [Ibid., S. 116]. Фундаментальный анализ союза как межличностного образования содержится в работе Зомбарта «Основные формы человеческого сосуществования» [Ibid., S. 29–67]. «В формальном значении понятия "союз", — пишет здесь Зомбарт, — его форма тождественна смысловому содержанию. Но, кроме того, союз есть коллектив связанных в нем людей. В этом союзе форма и содержание объединены в одно целое. Такие слова, как семья, государство, акционерное общество, свита и т.п. на деле имеют два значения: 1) взаимосвязь, в рамках которой — жизнь, 2) общность людей в тех союзах, которые обозначены этими словами» [Ibid., S. 33].

Концепцию ноо-социологии в систематизированном виде Зомбарт представил в 1936 г., когда у власти в Германии находилась национал-

социалистическая партия во главе с Гитлером. Однако едва ли следует видеть в ноо-социологии реверанс режиму. На фоне засилья почвенничества и расизма, преобладавших в идеологии фашизма, ноо-социология выглядела инородным явлением. Но вызовом ему она не стала. Скорее, ноо-социология явилась вариантом эскапизма. И потому сомнительна мысль Николауса Зомбарта, звучащая пафосно и театрально: «Ноо-социология — это та научная высота, на которой западноевропейский гуманизм искал свое последнее прибежище» [14, S. VII].

Радикальное, обостренное выделение духа ставило Зомбарта на край собственного поражения: социология, по его мнению, возможна только на уровне «высокого парения», на уровне только духа. Это мнение можно оспорить, тем более что Зомбарт делает это сам. В «Проекте ноо-социологии как самостоятельной науки» идея создания целостной перспективы исследований общества вынуждает его выйти за рамки только духа. По сути, ноосоциологический проект — это обширная программа социологии культуры, включающая все уровни культуры, а не только сферу духа. Соответственно, в задачи ноо-социологии неизбежно входит разработка понятийного аппарата общей теории культуры, изучение механизма ее создания, функционирования и трансляции, анализ «носителей» культуры и т.п. [13, S. 120]. Зомбарт предлагает действительно значимую программу, актуальную и сегодня.

На уровне только «духа» социологию культуры создать невозможно. Это очевидно уже из общего изложения «Ноо-социологии». Зомбарт, ориентирующийся только на дух, оставляет в стороне важный аспект: культура, все социальное бытие неисчерпаемы в своем смысле и значении, в своей незавершенности. Но он прав, отмечая общую тенденцию и «центральный пункт всего современного развития», а именно усиление «духовной» составляющей в деятельности людей, которая тем не менее не исчерпывает саму эту деятельность. В докладе «Рационализация экономики» Зомбарт отмечает, что вся человеческая культура — это «общность духа и души» [16, S. 14], и сейчас, в условиях «развитого капитализма... духовное преобладает над душевным... Это ощущимо в сферах информации, рынка, производства» [Ibid., S. 15]. Современный рационализированный мир характеризуется вместе с тем неустойчивостью, новизной потребностей, склонностью к быстрой смене симпатий, настроений, приоритетов и т. д., вслед за изменяющимися условиями жизни людей [17, S. 7–9]. Все это — новые явления культуры, и, соответственно, новые проблемы социологии.

Зомбарту не пришлось решить многие научные задачи не только из области ноо-социологии. Однако ясно, что это задачи, предполагающие уже в своей постановке высокий уровень философско-гуманитарного знания, а не частную сферу социального бытия и не узкий срез эмпирии, занимающей в системе социологического знания подчиненное положение. Не в этом ли высоком уровне требований, выдвинутых Зомбартом перед наукой, надо искать одну из причин нашей сознательной и затаенной неосведомленности в его воззрениях?

Литература

1. Sombart W. Die Anfaenge der Soziologie // Erinnerungsgabe fuer Max Weber / Hrsg. M. Paliy. Bd. I. Muenchen, 1923.
2. Sombart W. Zukunft des Kapitalismus. Berlin, 1932.
3. Зомбарт В. Буржуа. Л., 1924.
4. Jentsch K. Kapitalismus und Judentum // Die Zeit. 1911. 25. Maerz.
5. Hahn H.-W. Fremde oder Mitbuerger: Deutscher Nationalismus und juedische Minderheit im 19. Jahrhundert. Jena, 1987.
6. Асмус В.Ф. Собр. соч. Т. 1. М., 1969.
7. Вебер М., Зомбарт В., Яффе Э. Предисловие // Макс Вебер, прочитанный сегодня. СПб., 1997.
8. Sombart W. Haendler und Helden. Berlin, 1915.
9. Sombart W. Deutscher Sozialismus. Berlin; Scharlottenburg, 1934.
10. Dahrendorf R. Pfade aus Utopia. Muenchen, 1974.
11. Шпакова Р.П. Вернер Зомбарт, германский феномен // Социологические исследования. 1996. № 12.
12. Verthehende Soziologie: Gruendzuege und Entwicklungstendenzen / Hrsg. W.L. Buehl. Muenchen, 1972.
13. Sombart W. Noo-Soziologie. Berlin, 1956.
14. Sombart W. National-Oekonomie und Soziologie. Jena, 1930.
15. Sombart N. Vorbemerkung // Sombart W. Noo-Soziologie. Berlin, 1956.
16. Sombart W. Die Rationalisierung in der Wirtschaft. Leipzig, 1928.
17. Sombart W. Wirtschaft und Mode. Wiesbaden, 1902.